

УДК 81'374 + 811.161.1 + 811.512.156
DOI 10.17223/18137083/74/19

Отражение метафорических экспрессивов в тувинской лексикографии

Э. К. Аннай

*Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва
Кызыл, Россия*

Аннотация

Рассматривается фиксация и маркирование пометами *метафорических экспрессивов* (единиц экспрессивного лексического фонда), представляющих собой частный случай семантической деривации, в словарях тувинского языка. В качестве сравнения приводятся русские эквиваленты. Отмечается также влияние русского языка на семантическую структуру тувинских лексем.

Выявлено, что в последние десятилетия число рассматриваемых единиц, употребляемых в разговорной речи, выросло под влиянием русского языка. Появились модели образования экспрессивов, ранее не характерные для тувинского языка, но распространенные в русском. В словарях тувинского языка это явление не находит должного отражения.

Ключевые слова

тувинский язык, русский язык, билингвизм, метафора, экспрессив, семантическая деривация, переносное значение, лексикография, толковый словарь

Для цитирования

Аннаи Э. К. Отражение метафорических экспрессивов в тувинской лексикографии // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 252–264. DOI 10.17223/18137083/74/19

Metaphorical expressives in Tuvan lexicography

E. K. Annai

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva
Kyzyl, Russian Federation*

Abstract

Fixation and assignment of labels to specific semantic derivation cases, namely metaphorical expressives (expressive lexical units) in Tuvan dictionaries, are considered and compared with their Russian equivalents. The Russian language influence on the semantic structure of the Tuvan lexemes is observed. Metaphorical expressives are lexemes formed by metaphori-

© Э. К. Аннаи, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 1
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 1

cal derivation resulting in new (figurative) meanings without changing the form. The number of such units in the colloquial speech was found to increase under the Russian language influence in recent decades. New formation models non-typical for Tuvan but common in Russian have appeared. Also, the calques of Russian expressives based on models absent in Tuvan were found: *bash aaryy* (lit.: head pain) → “person or problem causing emotional pain or frustration to the speaker” from Russian *golovnaya bol’* with the same meaning. The analysis showed Tuvan dictionaries not to reflect this phenomenon sufficiently, i.e., word figurative meanings, namely metaphorical expressives, are not represented there broadly enough. It may be because the labels marking certain words’ usage areas, particularly the label *razg.* (colloquial speech) is used rather liberally since the stylistic differentiation process is still ongoing in standard Tuvan. While actively used in oral colloquial speech, most expressive meanings of polysemantic words revealed in the study are not found in Tuvan dictionaries. In Russian, there are special colloquial dictionaries, as well as regional dictionaries with stylistic labels. There are no such dictionaries in Tuvan, mostly due to its vague stylistic differentiation. However, the Tuvan language is still evolving, with dictionaries updated accordingly

Keywords

bilingual, metaphor, expressive (lexical unit), semantic derivation, figurative meaning, Tuvan, Russian, lexicography, explanatory dictionary

For citation

Annai E. K. Metaphorical expressives in Tuvan lexicography. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 1, pp. 252–264. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/74/19

Экспрессивность является неотъемлемой частью живой речи. С помощью различных языковых средств говорящий передает свое отношение к тем или иным явлениям действительности, к собеседнику. Зачастую лексическими средствами выражения экспрессивности выступают метафорические экспрессивы. Метафорические экспрессивы – это лексемы, образованные путем метафорической деривации, в результате чего появляется новое (переносное) значение без изменения формы знака.

Л. Н. Тыбыкова отмечает: «В тюркских языках ещё далеко не закончена даже простая инвентаризация единиц выразительного фонда, почти нет специальных исследований. На современном этапе развития тюркской лексикологии актуальными задачами являются классификация этого материала, уточнение основных понятий и терминов для описания экспрессивного фонда каждого тюркского языка и разработка специальных методик его исследования» [2015, с. 235].

В данной статье рассматривается отражение *метафорических экспрессивов* (единиц экспрессивного лексического фонда) в двуязычных словарях тувинского языка.

Систематически двуязычные тувинско-русские и русско-тувинские словари стали издаваться после основания Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (1945): «Русско-тувинский словарь» под редакцией А. А. Пальмбаха (РТС, 1953), «Тувинско-русский словарь» под редакцией А. А. Пальмбаха (ТРС-Пальмбах, 1955), «Тувинско-русский словарь» под редакцией Д. А. Монгуша (ТРС-Монгуш, 1980), «Краткий русско-тувинский словарь» под редакцией Д. А. Монгуша (КРТС, 1994), «Русско-тувинский учебный словарь» Д. А. Монгуша (РТУС, 1988) и «Тувинско-русский словарь» под редакцией Э. Р. Тенишева (ТРС-Тенишев, 1968). В основном это нормативные словари, поэтому часто в них не имеется стилистических помет, отмечаются лишь переносные значения некоторых слов. Позже изданы два тома первого «Толкового слова-

ря тувинского языка» под редакцией Д. А. Монгуша: том 1 «А – Ы» 2003 г., том 2 «К – С» 2011 г. (ТСТЯ, 2003; 2011).

В условиях современной жизни, расширения культурных контактов появляются новые двуязычные словари: «Тувинско-турецкий словарь» (ТТС, 2005), а также электронные словари: Англо-тувинский и тувинско-английский онлайн словарь¹, Тувинско-русский словарь² на базе «Тувинско-русского словаря» под редакцией Э. Р. Тенишева (ТРС-Тенишев, 1968).

Анализ фиксации рассматриваемых единиц проводился на материале существующих нормативных словарей тувинского языка. Для анализа материала мы использовали «Тувинско-русский словарь» (ТРС-Тенишев, 1968) объемом 22 000 слов, а также первый фундаментальный «Толковый словарь тувинского языка» под редакцией Д. А. Монгуша: т. 1 «А – Ы» (ТСТЯ, 2003), объемом 10 300 слов и 1700 устойчивых словосочетаний и т. 2 «К – С» (ТСТЯ, 2011) объемом 12 000 слов и 1700 устойчивых словосочетаний.

В ТРС для обозначения экспрессивных лексем используются следующие пометы: *бран.*, *ирон.*, *неодобр.*, *презр.*, *пренебр.*, *прост.*, *разг.*, *шутл.* В ТСТЯ имеются такие пометы, как *байыр.* – *байырымныг стиль* ‘торжественный, высокий стиль’, *бак.* – *бактап* ‘неодобрительное’, *бак көр.* – *бак көрген* ‘презрительное’, *баит.* – *баитактанган* ‘шутливое’, *кара* – *кара чугаа* ‘просторечное’, *чуг.* – *аас чугаа сөзү* ‘разговорное слово’.

Метафорические экспрессивы из нашей выборки в ТРС находят отражение с пометами: *миф.* – мифическое, *фольк.* – фольклорное, *археол.* – археологическое, тогда как в настоящее время данные лексемы приобрели дополнительное коннотативное значение, нуждающееся в должном отражении.

Лексикография русского языка имеет длительную традицию и развитую систему для обозначения экспрессивности. В словарях русского языка имеется целый ряд стилистических, эмоционально-оценочных помет: грубое, ласкательное, шутливое, насмешливое, неодобрительное, пренебрежительное, бранное и мн. др.; функционально-стилистических помет, указывающих сферу применения той или иной лексемы: простонародное, разговорно-сниженное, жаргонное и др.

Для сравнения с русским языком мы обращаемся к нормативному «Словарю русского языка» С. И. Ожегова 1989 г. с общим объемом 57 000 слов (СлРЯ, 1989), который ориентирует «говорящего (пишущего) на литературный язык, на языковую норму, а значит, и на более или менее строгие ограничения в выборе слов, правильных языковых форм и допустимых сочетаний...» (ТСРРОР-1, 2017, с. 3–4). В нем имеются такие пометы, как *прост.* (жеребец, ведьма), *книжн.* (чудовище).

«...Толковые словари являются реализацией огромного лексикографического опыта и результатов теоретических исследований, поэтому их данные достаточно объективны даже для выделения семантических компонентов в значении слов» [Цветков, 1984, с. 18]. Для рассмотрения экспрессивной лексики в качестве описательного толкового словаря мы обращаемся к «Большому словарю русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика (БСРРЭР, 2004) и «Толковому словарю разговорно-обиходной речи» этого же автора в двух томах (ТСРРОР-1, 2017; ТСРРОР-2, 2017), в которых представлены слова и устойчивые единицы русской разговорной речи во всем многообразии – бытовой, профессиональной, жаргонной

¹ Tuvan language and culture portal at Swarthmore College. URL: <http://tuvan.swarthmore.edu/>.

² URL: http://tuvan_russian.academic.ru/.

зированной, сниженной, бранной, вульгарной – в объективном состоянии во второй половине XX – начале XXI столетия (ТСРРОР-1, 2017, с 9), а также к электронной версии «Большого толкового словаря современного русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (БТСРЯ, 2014) ³.

Авторы словаря русской разговорной речи отмечают, что к началу XXI столетия в русском культурном и языковом пространстве наблюдается «смена нормативной основы литературного языка», которая ранее очень строго соблюдалась: «Произошло глобальное снижение, массовая “экспрессивация” публичного общения, официальной коммуникации, в которых совсем не редкими стали не только экспрессивы разговорной речи, но даже и прежде невозможные за пределами обыденной речи грубые, бранные, вульгарные речевые единицы» (БСРРЭР, 2004, с. 5–7).

В тувинском языке также наблюдается «экспрессивация» устной речи, часто употребляется оценочная лексика, образованная путем метафорического переноса. Определенную роль в этом сыграл и русский язык.

М. В. Бавуу-Сюрюн отмечает, что «русско-тувинские языковые связи ограничены временными рамками не более века. И за это время русизмы освоены тувинским языком на всех уровнях» [Бавуу-Сюрюн, Ондар, 2013, с. 40–41].

Влияние русского языка наблюдается не только в лексике бытового употребления, но и в области экспрессивной лексики, а именно семантической деривации. Появились кальки русских экспрессивов, построенных по моделям, отсутствующим в тувинском языке. Например, *баш аарыы* (букв.: боль головы) → ‘человек или проблема, доставляющая говорящему болезненное, нервное состояние’ от рус. *головная боль* с идентичной семантикой.

(1) *Баш аарыы болдуң сен, кылган ажыл-ижиң-даа чок!* (И-1)

баш	аары=ы	бол=ду=ң	сен
голова	боль=POSS/3Sg	быть=PAST=2Sg	ты
кыл=ган	ажыл-ижи=ң-даа		чок
делать=PP	работа-труд=POSS/2Sg-PTCL		нет

‘Ты стал (настоящей) проблемой, нет у тебя ни работы, ни занятости!’

Заимствуются метафорические модели, не характерные для тувинского языка. Примером может служить семантический перенос названий животных, мифических, сказочных существ и болезней в сферу «человек», который раньше не был таким популярным. В 1970-х гг. М. И. Черемисина, сравнивая зоохарактеристики в европейских и тюркских языках, отмечала, что в тюркских языках Сибири зоохарактеристики людей не характерное и не частое явление [Гутман, Черемисина, 1972], однако современный тувинский материал показывает несколько иную ситуацию. Конечно, нельзя говорить о тотальном проникновении русских моделей экспрессивов в тувинский язык. Так, неприемлемым остается употребление названий различных болезней в качестве экспрессивных слов в отношении человека, в то время как в русском возможны такие характеристики человека, как *холера*, *язва*, *чума* и др.

Некоторые лингвисты рассматривают метафору как результат семантической и словообразовательно-семантической деривации: Н. А. Лукьянова [1986; 2015]; Г. Н. Скляревская [1993]; Анна А. Зализняк [2001]; О. Н. Лагута [2003]; И. М. Непипелова [2011] и др. В тюркских языках Южной Сибири данному вопросу по-

³ URL: <http://gramota.ru/slovari/>.

священы работы Б. И. Татаринцева [1987]; Е. В. Тюттешевой [2006], Л. Н. Тыбыковой [2007, 2015] и др.

Семантическая деривация – это процесс появления у слова семантически производных значений, со-значений, семантических коннотаций, т. е. процесс расширения семантического объема слова, приводящий к появлению семантического синкретизма, а затем и процесс распада этого семантического синкретизма, приводящий к появлению полисемии. Направления изменений семантической деривации определяют основные ее типы: метонимические и метафорические процессы изменений в семантической структуре слова [Некипелова, 2011, с 36].

Б. И. Татаринцев, автор теоретического исследования многозначности в тувинском языке, утверждает, что «многозначность, основанная на метафорических переносах, несомненно, сложное и неоднородное явление, обладающее определенными особенностями» [Татаринцев, 1987, с. 51]. Частным случаем метафорического переноса являются *метафорические экспрессивы* – лексемы, образованные путем семантической деривации, в результате которого появляется новое (переносное) значение без изменения формы знака (часто возникающие как одномоментный акт речи). Семантически преобразовываются названия животных, мифических существ и другие наименования, употребляющиеся по отношению к человеку с целью охарактеризовать те или иные его качества (табл. 1).

Таблица 1

Семантическая деривация

Table 1

Semantic derivation

Прямое значение	Перенос	Переносное значение
Названия животных, птиц, насекомых, растений, болезней, мифологических и сказочных существ	→	Характеристика человека

В русском языке *метафорические экспрессивы* как частный случай семантической деривации рассмотрены в работе Н. А. Лукьяновой «Экспрессивная лексика разговорного употребления» [1986]. По ее мнению, «метафорические экспрессивы не имеют формальных признаков и лексических показателей экспрессивности, но их экспрессивный потенциал интуитивно осознается носителями языка, хотя далеко не всегда. Связь между прямым и переносным лексико-семантическим вариантом одной лексемы воспринимается в тех случаях, когда она имеет характер контраста...» [Там же, с. 100].

Н. Л. Лукьянова выявляет семь моделей метафорических экспрессивов. Мы останавливаемся на группе, где осуществлен метафорический перенос с названий реалий, непосредственно не связанных с человеком (названия животных, птиц, насекомых, растений, мифологических и сказочных существ), в сферу «человек».

В тувинском языке мы выявили всего десять названий животных, зафиксированных в словарях с переносным значением характеристики человека. Следует отметить, что исконно для тувинского языка использовалась модель переноса «часть тела животного → характеристика человека»: *чавана* ‘селезёнка’ о навязчивом, прилипчивом человеке, *ыйлаңгы* ‘пузырь во внутренних органах мелкого скота’ о хрупком, беззащитном человеке, *чылбыска* ‘выкидыш мелкого скота’

о слабом, безжизненном человеке, *тевениң дедир сиди / тебе сидии* (букв.: моча верблюда) и др., показывающие их традиционный кочевнический быт.

В результате исследования нами выявлены метафорические экспрессивы: 1) зафиксированные, т. е. вошедшие в литературный язык, в существующих словарях тувинского языка; 2) обнаруженные нами в живой разговорной речи. Приведем примеры экспрессивов той и другой группы.

1. Метафорические экспрессивы, зафиксированные в словарях тувинского языка (табл. 2).

ИНЕК 'корова'

...б) *перен.* неповоротливый, неуклюжий, медлительный (ТРС-Тенишев, 1968, с. 208); ...2. *көж.* неуклюжий, неповоротливый (о человеке) (ТСТЯ, 2003, с. 589).

ТИК 'ноль'

Тик кижги ничего не понимающий человек, полный невежда (ТРС-Тенишев, 1968, с. 413) (букв.: ноль человек).

В переносном значении в разговорной речи по отношению к неграмотному, ленивому, безнадежному человеку; употребляется также по отношению к самому себе. Данное значение относится к позднему, возникшему под влиянием русского языка.

(2) *Канчап экзамен дужаар бодап тур сен, тик?! (И-1)*

канчап	экзамен	дужа=ар	бода=п	тур	сен
--------	---------	---------	--------	-----	-----

как	экзамен	сдавать=PrP	думать=CV	стоять	ты
-----	---------	-------------	-----------	--------	----

ноль

тик

'Как ты собираешься сдавать экзамен, **ноль?!'**

АЗА 'чёрт'

1) *миф.* злой дух, сатана, чёрт // чёртов; 2) *бран.* Чёрт, чертовка // чертовский (ТРС-Тенишев, 1968, с. 45); ...2. *көж.* Выражает эмоциональное отношение к кому-л., чему-л. (ТСТЯ, 2003, с. 82)

В качестве эквивалентов лексемы *аза* в русском языке мы рассматриваем лексемы *сатана* и *чёрт*.

ДИЛГИ 'лиса'

Переносное значение по отношению к человеку зафиксировано лишь в толковом словаре: ... 2. *көж.* хитрый лживый человек (ТСТЯ, 2003, с. 447).

2. Метафорические экспрессивы, зафиксированные в разговорной речи.

ХАВАН 'свинья'

По отношению к человеку употребляется в значении 'неряха, грязнуля'. Как метафорический экспрессив употребляется в разговорной речи о неряшливом и нечистоплотном ребенке, в то время как в русском языке слово *свинья* используется по отношению к тому, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неряхе (разг.).

Переносные значения в словарях русского языка

Таблица 2

Figurative Meanings in Russian Dictionaries

Table 2

Лексема	Словарь			
	СлРЯ, 1989	БТСРЯ, 2014	БСРРЭР, 2004	ТСРРОР-1, 2017 ТСРРОР-2, 2017
<i>корова</i>	–	...3. <i>Разг.-сниж.</i> О толстой, неуклюжей, нерасторопной или неумной женщине	<i>ы, ж. Насмешл. груб. бран.</i> О неуклюжей, неловкой, толстой женщине; о грубой невоспитанной особе... (с. 273)	<i>ж., в функц. сказ., с указ. мест. и опред. словами. Сниж. Груб. Бран.</i> О полной, неуклюжей, неповоротливой женщине; о грубой невоспитанной особе (≈ КОБЫЛА)... (с. 375–376)
<i>ноль</i>	...3. <i>Перен.</i> о ничтожном, незначительном человеке (с. 337)	...4. О незначительном, ничтожном человеке	<i>Насмешл. Неодобр. Разг.-сниж.</i> О ничтожной, незначительной личности (с. 374)	<i>Ирон. Неодобр.</i> О ничтожной, незначительной личности (с. 519)
<i>сатана</i>	Дьявол, олицетворенное злое начало в разных мистических верованиях, а также (прост. м. и ж.) бранно о человеке (с. 569)	2. <i>Разг.</i> О ком-л. нехорошем, недобром. <i>Отстань, с.</i>	<i>м./ж. (Бран.) разг.-сниж.</i> О недобром человеке с неумным, злым темпераментом. <i>Вот с., что вытворяет!</i> (с. 547)	<i>м./ж. в функц. сказ. Бран.</i> О недобром человеке с неумным, злым темпераментом. <i>«Ишь чего додумалась, с.! – удивлялся Пронька, - медвежонка на столб сажает!»</i> Ю. Коваль. <i>Лабаз</i> (1972) [НКРЯ] (с. 256)
<i>чёрт</i>	Много устойчивых сочетаний, но нет пометы об употреблении по отношению к человеку (с. 720)	Отмечено употребление по отношению к человеку: ...2. <i>Разг.</i> О ком-л. нехорошем, недобром	–	–
<i>лиса</i>	... <i>перен.</i> хитрый, лстивый человек (разг.) (с. 263)	2. О хитром, лстивом человеке	–	–

(3) *Хүннү бадыр калдарартыр ойнап алдың бе, хаван* [– деп, *Өнермаа дуңмазын кончаан*]. (И-8)

хүн=нү	бад=ыр	калдарар=тыр	ойна=п
солнце=ACC	спускаться=PrP	загрязняться=CAUS	играть=CV
ал=ды=ң	бе	хаван	
взять=PAST=2Sg	PTCL	свинья	

‘Весь день с самого утра играл, **грязнуля**, – ругала своего брата Онермаа.’

БГТ ‘собака’

По отношению к человеку употребляется в значении ‘плохой человек, чужак’. Как метафорический экспрессив используется в разговорной речи применительно к человеку несправедливому, жестокому, чужому.

(4) [*Ону дилээш «Шанхайны» одуртум*], *кайда-даа чогул, кончуг ыт!* [*Тыт алымза ийи будун үзе сон каар мен*] (У-Х, 73)

кайда-даа	чогул	кончуг	ыт
где-PTCL	нет	весьма	собака

‘[Чтобы найти его, я обошла весь «Шанхай»], но нигде его нет, **собака!** [Если найду, то обе ноги отрублю].’

(5) *Тыва кижилерни бо эжелекчи ыттар канчап турар-дыр, көрүп алыңар.* (ИБ, АК, 150)

тыва	кижи=лер=ни	бо	эжелекчи	ыт=гар
тувинский	человек=PL=ACC	этот	захватчик	собака=PL
канча=п	тур=ар-дыр	көр=үп	ал=ыңар	
делать=CV	стоять= PrP-PTCL	видеть= CV	братъ=IMP/2PL	

‘Посмотрите, что делают с тувинцами эти пришлые **чужаки**.’

АЛБЫС ‘степная дева, ведьма’

По отношению к человеку употребляется в значении ‘плохая женщина’.

В двух словарях не зафиксировано переносное употребление по отношению к человеку (ТРС-Тенишев, 1968, с. 53; ТСТЯ, 2003, с. 108); в разговорной речи есть случаи употребления применительно к внешне неприятной, злой женщине, чаще в споре между женщинами.

(6) *Аскың кижисе караңатпа сен, албыс!* (И-1)

аск=ың	кижи=же	караңа=т=па	сен	албыс
рот=POSS/2Sg	человек=LAT	чернеть=CAUS=IMP	ты	ведьма

‘Не говори мне ничего своим черным ртом, **ведьма!**’

В русском языке коррелят *ведьма* – ...2. *перен.* О злой, сварливой женщине (прост.)’ (СлРЯ, 1989, с. 60); ...2. *Бранно.* О безобразной, злой женщине (БТСРЯ, 2014).

АСКЫР ‘жеребец’

В двух словарях не зафиксировано переносное употребление по отношению к человеку (ТРС-Тенишев, 1968, с. 73; ТСТЯ, 2003, с. 170); в разговорной речи ‘жеребец’ → ‘бабник’: употребляют применительно к непостоянному мужчине, который ведет развратный образ жизни, его сравнивают с самцом.

(7) *Каая херээженнеп чордун, аскыр?* (И-2)

каая	херээженне=п	чор=ду=ң	аскыр
где	бегать по женщинам=CV	уходить=PAST=2Sg	жеребец

‘Где это ты бегал по бабам, **жеребец?**’

В русском *жеребец* – самец лошади, достигший половой зрелости... (перен.: о рослом, сильном мужчине; прост.) (СлРЯ, 1989, с. 156); // *Разг.-сниж.* О молодом мужчине (обычно рослом и сильном). Вон какой ж. стал! Ну и жеребцы у тебя ребята! // *Разг.-сниж.* О мужчине, до неприличия откровенно проявляющем свои физиологические наклонности. Ну и жеребцы, от баб не отходят, смотреть тошно! (БТСРЯ, 2014).

* * *

Таким образом, анализ фиксации экспрессивных лексем в существующих словарях тувинского языка показывает, что в них недостаточно широко представлены переносные значения слов, а именно метафорических экспрессивов. Это может быть связано с тем, что, как отмечают сами авторы «Тувинско-русского словаря» (1968), «пометы, указывающие на сферу употребления некоторых слов, в особенности помета *разг.* (“разговорная речь”), иногда носит условный характер, поскольку в тувинском литературном языке процесс стилистической дифференциации слов, естественно, продолжается» (ТРС-Тенишев, 1968, с. 8).

Данное исследование также показывает наличие в тувинском языке способа образования новых значений у лексем путем семантической деривации и как результат – метафорических экспрессивов, которые необходимо фиксировать в современных словарях. Большинство же выявленных нами экспрессивных значений многозначных слов в имеющихся словарях тувинского языка не отмечены, но они употребляются в живой разговорной речи.

В русском языке имеются отдельные словари разговорной или разговорно-обиходной речи, а также региональные специализированные словари со стилистическими пометами. Для тувинского языка такие словари отсутствуют в основном по причине его недостаточно четкой стилистической дифференциации. Однако в настоящее время тувинский язык меняется, обновление и дополнение словарей продолжается.

Список литературы

Бавуу-Сюрюн М. В., Ондар М. В. Русизмы в диалектах тувинского языка // Новые исследования Тувы. Электронный информационный журнал. 2013. № 4. С. 39–44. URL: www.tuva.asia/.

Гутман Е. А., Черемисина М. И. Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск, 1972. Вып. 3. С. 42–59.

Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: «каталог семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.

Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2003. Ч. 1. 114 с.; Ч. 2. 208 с.

Лукьянова Н. А. Толково-исторический «Словарь русского языка XI–XVII вв.» как источник изучения экспрессивной лексики // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 107–120.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления русского языка. Новосибирск: Наука, 1986. 229 с.

Некпелова И. М. К вопросу о разграничении понятий «семантическая деривация» и «семантическое словообразование» в диахроническом аспекте // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 2. С. 14–26.

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.

Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М.: Наука, 1987. 197 с.

Тыбыкова Л. Н. Специфика зооморфных образов *põtjuk* ‘петух’ и *такаа* ‘курица’ в алтайском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 9: Филология. С. 235–240.

Тюнтешева Е. В. Человек и его мир в зеркале фразеологии (на материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск, 2006. 225 с.

Цветков Н. В. Методология компонентного анализа, его сферы и границы (на материале лексики русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 191 с.

Тубыкова Л. N. The symbols of beauty in Altay zoomorphisms // Turcic languages. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 11, № 2. P. 211–225.

Список словарей

Англо-тувинский / тувинско-английский онлайн словарь. URL: <http://tuvan.swarthmore.edu/>.

БСРРЭР – Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2014. URL: <http://www.gramota.ru>

КРТС – Краткий русско-тувинский словарь / Под ред. Д. А. Монгуша. Кызыл, 1994. 432 с.

РТС – Русско-тувинский словарь / Под ред. А. А. Пальмбаха. М., 1953. 708 с.

РТУС – Монгуш Д. А. Русско-тувинский учебный словарь. М.: Рус. яз., 1988. 312 с.

ТРС – Тувинско-русский словарь. URL: http://tuvan_russian.academic.ru

ТРС-Монгуш – Тувинско-русский словарь /. Под ред. Д. А. Монгуша. М., 1980. 664 с.

ТРС-Пальмбах – Тувинско-русский словарь / Под ред. А. А. Пальмбаха. М., 1955. 723 с.

ТРС-Тенишев – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М., 1968. 646 с.

ТСТЯ – Толковый словарь тувинского языка / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1: А – Й. 599 с.; 2011. Т. 2: К – С. 798 с.

ТТС – Тувинско-турецкий словарь / Отв. ред. Ч. М. Доржу. Кызыл, 2005. 590 с.

СлРЯ – Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1989. 750 с.

ТСРРОР-1 – Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 1: А – Н. 528 с.

ТСРРОР-2 – Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2017. Т. 2: О – Я. 532 с.

Список текстовых источников

- И-1 – Информант 1: Ондар Светлана Самбуевна (1956 г. р.), западный диалект.
И-2 – Информант 2: Донгак Венера Седип-ооловна (1963 г. р.), южный диалект.
ИБ, АК – Иргит Бадыраа «Арзылан кудерек». Кызыл, 1996. 267 с.
У-Х – Улуг-Хем, № 4 (8/86) // Литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей Тувы. Кызыл, 1993. 183 с.

Список условных обозначений в глоссах

1, 2, 3 – лицо; **ACC** – винительный падеж; **CAUS** – понудительный залог; **CV** – форма соединительного деепричастия на =*n*; **IMP** – повелительное наклонение; **PAST** – форма прошедшего времени на =*ды*; **PL** – множественное число; **POSS** – посессивный аффикс; **PrP** – форма причастия будущего времени на =*ap*; **PTCL** – частица; **Sg** – единственное число; **LAT** – направительный падеж на =*че*.

References

- Bavuu-Syuryun M. V., Ondar M. V. Russizmy v dialektakh tuvinskogo yazyka [Russisms in dialects of the Tuvan language]. *The New Research of Tuva*. 2013, no. 4, pp. 39–44. URL: www.tuva.asia.
- Gutman E. A., Cheremisina M. I. Zoomorfizmy v sovremennom frantsuzskom yazyke v sopostavlenii s russkim [Zoomorphisms in modern French in comparison with Russian]. In: *V pomoshch' prepodavatelyam inostrannykh yazykov* [For the help of teachers of foreign languages]. Novosibirsk, 1972, iss. 3, pp. 42–59.
- Laguta O. N. *Metaforologiya: teoreticheskie aspekty* [Metaphorology: theoretical aspects]. NSU. Novosibirsk, 2003, pt. 1, 114 p., pt. 2, 208 p.
- Luk'yanova N. A. Tolkovo-istoricheskiy "Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv." kak istochnik izucheniya ekspressivnoy leksiki [The explanatory-historical "Dictionary of the Russian language, the 11–17th centuries" as a source for the study of expressive vocabulary]. In: *Krugi vremen. V pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoy* [Circles of Time. In memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya]. Moscow, Indrik, 2015, vol. 2: Issledovaniya. Posvyashcheniya i vospominaniya [Studies. Dedications and memories], pp. 107–120.
- Luk'yanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya russkogo yazyka* [Expressive vocabulary of colloquial usage of the Russian language]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 229 p.
- Nekipelova I. M. K voprosu o razgranichenii ponyatiy "semanticheskaya derivatsiya" i "semanticheskoe slovoobrazovanie" v diakhronicheskom aspekte [On the question of distinguishing the concepts of "semantic derivation" and "semantic word formation" in diachronic aspect]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2011, no. 2, pp. 14–26.
- Sklyarevskaya G. N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the system of language]. St. Petersburg, 1993.
- Tatarintsev B. I. *Smyslovye svyazi i otnosheniya slov v tuvinskom yazyke* [Semantic connections and relations of words in the Tuvan language]. Moscow, Nauka, 1987, 197 p.
- Tsvetkov N. V. *Metodologiya komponentnogo analiza, ego sfery i granitsy (na materiale leksiki russkogo yazyka)* [The methodology of the component analysis, its spheres and borders (on the material of the Russian language lexicon)]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1984, 191 p.

Tybykova L. N. Spetsifika zoomorfnykh obrazov pötÿk ‘petukh’ i takaa ‘kuritsa’ v altayskom yazyke [The specifics of zoomorphic images pötÿk ‘rooster’ and takaa ‘chicken’ in the Altai language]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: “History and Philology”*. 2015, vol. 14, no. 9: Philology, pp. 235–240.

Tybykova L. N. The symbols of beauty in Altay zoomorphisms. In: *Turcic languages*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2007, vol. 11, no. 2, pp. 211–225.

Tyuntseva E. V. *Chelovek i ego mir v zerkale frazeologii (na materiale tyurkskikh yazykov Sibiri, kazakhskogo i kirgizskogo)* [Man and his world in the mirror of phraseology (in the material of the Turkic languages of Siberia, Kazakh and Kyrgyz)]. Novosibirsk, 2006, 225 p.

Zaliznyak Anna A. Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: “katalog semanticheskikh perekhodov” [Semantic derivation in synchronic and diachronic: “The catalog of semantic transitions”]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2001, no. 2, pp. 13–25.

List of dictionaries

Anglo-tuvinskiy / tuvinsko-angliyskiy onlayn slovar’ [English-Tuvan / Tuva-English online dictionary]. URL: <http://tuvan.swarthmore.edu/>.

Bol’shoy tolkovyy slovar’ russkogo yazyka [The Big explanatory dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsov (Ed. in ch.). St. Petersburg, 2014. URL: <http://www.gramota.ru>

Khimik V. V. *Bol’shoy slovar’ russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi* [Big dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St. Petersburg, Norint, 2004, 768 p.

Khimik V. V. *Tolkovyy slovar’ russkoy razgovorno-obikhodnoy rechi: V 2 t.* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech: In 2 vols]. St. Petersburg, Zlatoust, 2017, vol. 1: A – N, 528 p., vol. 2: O – Ya, 532 p.

Kratkiy russko-tuvinskiy slovar’ [Concise Russian-Tuvan dictionary]. D. A. Mongush (Ed.). Kyzyl, 1994, 432 p.

Mongush D. A. *Russko-tuvinskiy uchebnyy slovar’* [Russian-Tuvan educational dictionary]. Moscow, Rus. yaz., 1988, 312 p.

Ozhegov S. I. *Slovar’ russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. N. Yu. Shvedova (Ed.). 20th ed, stereotip. Moscow, Rus. yaz., 1989, 750 p.

Russko-tuvinskiy slovar’ [Russian-Tuvan dictionary]. A. A. Pal’mbakh (Ed.). Moscow, 1953, 708 p.

Tolkovyy slovar’ tuvinskogo yazyka [The Explanatory dictionary of the Tuvan language]. D. A. Mongush (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2003, vol. 1: A – Y, 599 p.; 2011, vol. 2: K – S, 798 p.

Tuvinsko-russkiy slovar’ [Tuvan-Russian dictionary]. URL: http://tuvan_russian.academic.ru

Tuvinsko-russkiy slovar’ [Tuvan-Russian dictionary]. D. A. Mongush (Ed.). Moscow, 1980, 664 p.

Tuvinsko-russkiy slovar’ [Tuvan-Russian dictionary]. A. A. Pal’mbakh (Ed.). Moscow, 1955, 723 p.

Tuvinsko-russkiy slovar’ [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, 1968, 646 p.

Tuvinsko-turetskiy slovar’ [Tuvan-Turkish dictionary]. Ch. M. Dorzhu (Ed.). Kyzyl, 2005, 590 p.

Сведения об авторе

Аннай Эллада Кан-ооловна – научный сотрудник отдела языкознания (словарей), литературы (фольклористики) Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)

eannaj@mail.ru

ORCID 0000-0001-7892-0454

Information about the author

Ellada K. Annai – Researcher at the Department of Linguistics (Dictionaries), Literature (Folkloristics) of the Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russian Federation)

eannaj@mail.ru

ORCID 0000-0001-7892-0454